

Глава 34. Самый опытный инспектор района.

Логлоров смотрел правде в глаза: расследование, которое ему предстояло провести в Арылахе, было не из лёгких.

Но не зря его считали в районе мастером инспекторских проверок. Душевная уравновешенность помогала ему смело браться за самые запутанные конфликты. А знание педагогической специфики и человеческой психологии вообще ставило его вровень со следователями. Сказать по секрету (об этом мало кто знает) — районный прокурор не раз пытался сманить к себе инспектора, но тот остался верен наробразовской системе.

В эту поездку Логлорова подняли как по тревоге: поступило письмо Кылбанова. Трясаясь в лёгких наробразовских санях, инспектор напрягался, пытаясь представить себе облик этого самого Аласова. Он встречался с учителем лишь однажды и, при всём своём опыте психолога и человековеда, ничего особого тогда в нём не заметил. Даже симпатичный внешне, а уж анкета преотличная — пять фронтовых наград, стаж... Лихой, надо думать, мужчина, если не побоялся завести шашни с ученицей! Впрочем, не будем торопиться с выводами, никаких предвзятых суждений...

Тимир Иванович Пестряков встретил инспектора роно с понятным смущением: только что школу хвалили на совещании, вышла в Якутске книга о её передовом опыте, ещё переживает коллектив свою невосполнимую утрату, хвоя после похорон увянуть не успела... А тут на тебе...

— Справедливо, Тимир Иванович, справедливо, — успокоил Логлоров завуча. — О Всеволоде Николаевиче мы все в районе горевали. Но жизнь есть жизнь. И знаете, уважаемый Тимир Иванович, именно сейчас и надо быть особенно строгим. Речь ведь идёт о чести школы, которую он создавал.

Пестряков, человек тактичный, не стал предлагать инспектору, приехавшему на расследование, остановиться в доме у него или у кого-либо из учителей. Логлорову застелили койку в библиотеке, а готовить пищу поручили школьной сторожихе бабушке Фекле. Он принял это с солдатской стойкостью: объективность и ещё раз объективность!

Пока не накоплено достаточно сведений, Логлоров не спешил трогать главного виновника. Но сам случай столкнул их. Видимо, Аласов запомнил его ещё с осени, увидев, просто-таки расцвёл:

— Товарищ Логлоров, какими ветрами!

Логлоров не мог видеть в эту минуту собственного лица, но представить мог: недаром Аласов поперхнулся да так и остался стоять в растерянности. Догадался, какими ветрами занесло сюда инспектора роно!

Утром следующего дня, согласно разработанному плану, Логлоров принялся за директора школы Кубарова.

— Не читал я этой тетради. И читать не стану. Тимофей Федотович, Христом-богом прошу вас — не впутывайте вы меня, пожалуйста, в это дело.

— Я думаю, что Фёдор Баглаевич правильно мыслит, — вмешался завуч. — К данному вопросу нет нужды привлекать слишком многих. Чем больше людей, тем больше позора, — об этой стороне тоже надо думать. В письме указаны определённые факты. Самое главное — выяснить, достоверны эти факты или недостоверны. Я верно понял вашу миссию, Тимофей Федотович?

— Поняли-то верно. Но директор школы...

— А может, достаточно будет, если от имени дирекции приму участие я, заведующий учебной частью?

Кубаров, воспользовавшись таким оборотом дела, быстро собрался и ушёл. Улизнул.

— Фёдор Баглаевич убит горем, совсем сдал старик, — сказал завуч после его ухода. — С покойным Левиным они были друзья, погодки. Вы беднягу уж не донимайте. Ах, Аласов, Аласов... Я-то уже привык к таким превратностям жизни, но у Фёдора Баглаевича он был любимым учеником... Тимофей Федотович, если не секрет: когда вы будете разговаривать с самим Аласовым?

— Вечером. Прошу его предупредить.

— Предупредим. И с девочкой будете? После уроков можно и её вызвать.

— И ещё, товарищи, есть новость, — Кылбанов перешёл на шёпот. — Этот Аласов, оказывается, из тех, у кого закон в кулаке. Даже дракой не назовёшь — одностороннее избиение...

— Кого это он? Когда? — оживился завуч.

— Антипина, моториста с электростанции. Избил в присутствии учеников, достоверный факт.

— А что говорит сам Антипин?

— Вот этого не знаю. Не разговаривал с Антипиным. Я вам, Тимофей Федотович, официально заявил о факте, а вы уж сами решайте, что и как.

После обеда Логлоров отправился на электростанцию. В сумеречном большом помещении с земляным полом стоял грохот, крупный мужчина в заячьем треухе возился с чем-то в углу.

— Скажите, кто здесь Антипин?

— Я Антипин, — с трудом выдавил из себя мужчина, взгляд его шарил по углам.

— Если не ошибаюсь, вы отец ученика Гоши Кудаисова?

— Отчим я ему...

— А я из отдела народного образования. Приехал я к вам, товарищ Антипин, вот зачем. Знаете ли вы учителя Аласова?

— З-знаю...

— Товарищ Антипин, верно ли, что учитель Аласов минувшей осенью избил вас в вашем же доме?

— Заходить-то он заходил...

— Не смущайтесь, товарищ Антипин, расскажите всё по порядку.

— Избивать он меня, конечно, не избивал... Но ударил...

— Один раз ударил или больше?

— Два раза, кажется...

— И сильно?

— Ага... сильно, — Антипин пощупал челюсть.

— За что он вас ударил?

— Да так просто...

— Неужто «так просто» можно прийти в дом и бить человека?

— Да вот... так.

— А вы его ударили?

— Н-нет...

— Прекрасно! За что же всё-таки он вас два раза ударил?

— Пьянствовал крепко... — сказал Антипин, после некоторого молчания.

— Хорошо. И что же было после того, как он ударил вас два раза?

— Ничего... Удрал я.

— А почему не пожаловались?

— Не имею привычки такой.

— Встречались ли вы с Аласовым после этого?

— Встречался.

— О чём-нибудь он говорил с вами?

— Н-нет... деньги давал.

— Деньги? А вы?

— Взял...

— Вот как! Почему же он предлагал вам деньги?

— Не знаю.

— Но что-нибудь он говорил, когда предлагал деньги?

— Да ничего особенного...

— Вспомните-ка хорошенько, Антипин.

— Да вот... того... — Антипин почесал затылок. — Сказал, чтобы я купил продуктов и прочее.

— А вы как думаете, почему он дал вам денег?

— Не знаю.

Логлоров ещё помучился немного с неразговорчивым мотористом, но ничего существенного больше выудить не смог. Впрочем, чего-либо добавлять к услышанному и не требовалось!

— Всё, что вы сейчас сказали, чистая правда, так, товарищ Антипин?

— Чистая правда.

— И вы обо всём смогли бы написать мне?

— Нет, писать не буду! — категорически отказался Антипин, даже головой затряс.

На обратном пути Логлоров размышлял о людях, во множестве встречавшихся ему на нелёгком его инспекторском пути. Вот Антипин. Простой мужик, тёмный. Другой бы на предложение написать немедленно схватился за карандаш и бумагу, отомстил бы сполна. А этот ничего писать не желает, какой-то святой дядя. Хотя, похоже, и на самом деле выпить не дурак.

Теперь сравни этих двух — прекрасно выглядящего внешне, пышущего крепким здоровьем Аласова и тёмного, несимпатичного с виду рабочего человека. Недаром старые якуты говорят: корова пестра снаружи, а человек изнутри...

Послушаем, послушаем, что ответит и как всё объяснит сам Аласов. Трудно даже вообразить, как тут можно оправдаться. Букет подобрался! Не сработался с коллективом — чистая правда. Стал в школе зачинщиком склоки — правда. Сорвал обращение к выпускникам района — правда. Избил Антипина — правда. Пусть даже и не подтвердится связь с ученицей, и без того достаточно.

Смуглая, с диковатым взглядом — как у оленёнка, когда его запрут в узкий загон, — девушка сидела, опустив голову. Вошёл инспектор, она краем глаза стрельнула на него и опустила голову ещё ниже.

— Тимофей Федотович, вот Нина Габышева. Поговорите с ней. — Пестряков уступил инспектору кресло.

Логлоров в кресло не сел, а пошёл за стулом в дальний конец комнаты, на ходу соображая, как приступить к разговору. Разговор такой, что любое слово — уже бестактность. И неизвестно, о чём тут говорили с ней. Может, вообще напрасно вызвали ученицу? Но жалеть о сделанном было уже поздно.

— Если не желаешь нам рассказать, то Расскажи вот инспектору отдела народного образования, — сказал Тимир Иванович, стоя над девушкой и глядя на неё сверху вниз. — Товарищ инспектор специально приехал, чтобы послушать тебя...

Девушка дёрнулась при этих словах, сжалась. Логлорову от души стало жаль её. Сомнительно, чтобы о подобном девушка решилась поведать даже самой близкой подруге, а не то что какому-то приезжему. Как Тимир Иванович, умный человек, не понимает этого?

— Ты ведь ни в чём не виновата, — заговорил Кылбанов и придвинулся вместе со стулом к Габышевой. — Что тебе говорил Сергей Эргисович?

Девушка прошептала:

— Нет... нет...

— Выходит, вы нисколько не любили друг друга? Неужели о чём ты писала в дневнике — неправда? Ты писала неправду?

— Нет...

— Тогда, значит, ты писала правду?

— Н-нет...

— Ты что, как утка-сокун твердишь «нет» да «нет»? Одно из двух: правда или неправда?

Девушка молчала.

— Пойми, Нина, тебе всё равно придётся сказать правду, — вступил в разговор Тимир Иванович.

— Вот именно! — пособил ему Кылбанов. — Если мы не узнаем — врачи узнают...

В эту минуту открылась дверь и вошёл Аласов.

— Меня вызывали? — и вдруг увидел судилище. — Что тут происходит?

Он так это спросил, что Кылбанов попятился подальше от Нины.

Аласов подошёл к девушке, поднял её подбородок.

— Сергей Эргисович, я ни в чём не виновата!

— Ничего сейчас не говори! — приказал ей Аласов. — И не плачь.

Он провёл ладонью по волосам девушки. Та стихла, утёрла слёзы. Аласов подал ей портфель, помог надеть пальтецо.

— Иди домой, Нина... Иди домой.

Он смотрел ей вслед, пока не закрылась дверь и не утихли шаги. После этого оборотился к Логлову.

— Вы, инспектор роно, принимаете участие в этой гнусности... — Лицо его побелело, он стоял один против них.

— Послушайте, Сергей Эргисович...

— Нет, это вы послушайте меня! Я шёл сюда с намерением по-человечески поговорить с вами, обстоятельно, обо всём... Но сейчас я разговаривать с вами не желаю.

Можно было бы растолковать грубияну, что он, Логлов, не причастен к допросу, и если с ученицей поступили не так, как подобает педагогам, то он, Логлов, виновен в этом лишь отчасти. Но не Аласову было порицать инспектора! Не Аласов ли главный виновник того, что девушка подверглась таким унижениям. Ему ли кричать и топтать ногами!

— Разговаривать со мной или не разговаривать — ваша добрая воля, товарищ Аласов. Заставить вас беседовать со мной не в моей власти. И всё-таки я попрошу вас ответить на один вопрос.

Аласов остановился в дверях.

— Скажите, товарищ Аласов, был ли случай, когда вы избили человека по фамилии Антипин?

— Антипин?

— Моторист электростанции.

— А-а... Да, было. Ударил я его.

— За что?

— За хулиганство! — крикнул со своего места Кылбанов. — Вы, глядите, повсюду он блюстититель нравов, наш Аласов! Наводит порядок кулаками по морде...

— Погодите, — Логлоров поморщился. — Тогда ещё вопрос. После этого избиения вы предлагали Антипину некую сумму денег?

— П-предлагал.

— Зачем?

— Чтобы он накормил своих ребятишек.

— Ха-ха! — опять не удержался Кылбанов. — Лучше скажи, взятку давал, чтобы держал язык за зубами!

Аласов посмотрел на него, но ничего не сказал.

— Позволю себе ещё вопрос... Теперь уже действительно последний. Что вы можете сказать о дневнике Нины Габышевой?

— Ничего. Я не читал его. Не имею привычки читать чужие дневники.

— Врёте, вы знаете, о чём там написано! — крикнул Кылбанов.

— Товарищ Кылбанов! Ещё одно слово... Простите, Сергей Эргисович, если вам неизвестно, что в дневнике, так я вам скажу. Десятиклассница Нина Габышева пишет о своей любви к вам.

— Если она действительно так пишет, мне остаётся только гордиться.

— Как понять вас?

— Я горжусь любовью этой девушки, её чувством. Вы устроили допрос ей... Вам ли понять, как можно гордиться любовью!.. — Аласов оглядел их троих. — Ещё есть вопросы?

— Больше вопросов нет.

Дверь за Аласовым хлопнула.

— Каков фрукт, даже не попытался что-либо отрицать! — развёл руками завуч. — Вот он, весь перед вами.

В тот же вечер Логлоров вернулся в районный центр.